

ЧЕРЕМИССКИЕ (МАРИЙСКИЕ) ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

CHEREMEEES' (MARI) WARS IN THE DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

S. Borovikov

Annotation

The various points of view of the Russian, Soviet and foreign historians about the liberation movement of Mari people against Moscow's conquest by Ivan IV, whose military expansion was carried out in the time of the creation of colonial empires, are considered in article.

Keywords: Cheremees' (Mari) wars; historiography; Russia; XVI century.

Боровиков Сергей Владимирович

*Ярославский государственный университет
имени П. Г. Демидова, исторический факультет,
кафедра музееологии и краеведения*

Аннотация

В статье рассматриваются различные точки зрения российских, советских и зарубежных историков по поводу освободительного движения марийского народа против московского завоевания при Иване IV, чья военная экспансия осуществлялась в эпоху создания колониальных империй.

Ключевые слова:

Черемисские (марийские) войны; историография; Россия; XVI век.

В числе вооруженных конфликтов, в которых участвовала Россия на протяжении XVI столетия, были так называемые Черемисские (марийские войны), от названия противостоявшего московским захватам народа Поволжья. Периодизация: I Черемисская война (1552–1557 гг.), II Черемисская война (1571–1574 гг.), III Черемисская война (1581–1585 гг.). Эти события шли во время борьбы с европейскими государствами за выход к Балтийскому морю, а также столкновений с Османской империей (Турция), Крымским ханством, Ногайской ордой и позже – начала освоения Сибири. В советское время утверждалось, что Иван Грозный проиграл, ведя войну на два фронта – на юге и северо-западе. Но был еще и третий, не уступавший в значимости и опасности, черемисский. В том числе под его влиянием русское правительство было вынуждено срочно прекратить Ливонскую войну, заключив Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой (Польша и Литва) в 1582 г., а затем в 1583 г. пойти на унижительные условия Плюсского соглашения со Швецией, чтобы перебросить освободившиеся в Прибалтике военные силы против мятежников.

Не все было так однозначно, как пытались преподнести за аксиому отдельные историки. Их мнения противоположны, но заслуживают внимания и критики. Что касается отличия советского периода от дореволюционного, то, начиная с 30-х гг. XX века в изучении Поволжского конфликта стали преобладать эпизоды классовой борьбы угнетенного местного населения не столько против Москвы, сколько со своими же феодалами и было обозначено четкое влияние на эскалацию со стороны "иностраных агентов". А присоединение к России являлось добровольным, этносы самоопределились, это отсылало к концепции существования самого Советского Союза.

В 1870-х гг. Г. И. Перетяткович отмечал, что русские

воеводы в своей борьбе с восставшими особенное внимание обращали на князей, мирз и сотенных, как на руководителей, потому не щадили их и старались истребить поголовно. Между самими инородцами те, которые желали восстановления спокойствия, тоже ловили мятежных начальников, приводили к русским воеводам и умерщвляли перед глазами последних. Эти восстания были усмирены лишь тогда, когда были уничтожены все главные казанские бунтовщики. С самого начала они старались укрепиться в стране, очень хорошо известной им, чем, по сознанию своих противников умели пользоваться с большой для себя выгодой. Главным поприщем для деятельности являлась река Волга, преимущественно там встречались суда, на которых всегда было чем поживиться, промышленные и зажиточные русские села, грабежом которых вознаграждались их собственные разорения от московских войск и риск предприятия.

Против мятежников был воздвигнут Козьмодемьянск, возле высокого кургана, на котором устроили главный сторожевой маяк для наблюдения за черемисскими движениями в нагорной стороне. Правительство строило города и населяло их русскими людьми, чем, по дошедшим до нас известиям, главным образом и добилось замирения этого беспокойного края [6].

У С. М. Соловьева другой взгляд, подчас категоричный, на эту проблему – истощенный войной турок с персами, крымский хан мог вредить Москве, только поджигая волнения между черемисами. На Средней Волге и Нижней Каме "дикие народы", "бусурманы", делали последние отчаянные усилия, чтобы высвободиться из-под русского подданства [7].

Дело в том, что еще в XIX веке появились первые исследования, дополнявшиеся затем многочисленными статьями в периодической печати, в том числе и в XX

столетии, даже в СССР в 1920–е гг. о том, что народы Поволжья обладали развитой культурой и не могли являться отсталыми, это опровергало тезис о необходимом насаждении московского протектората, а затем и господства.

Н. И. Костомаров подчеркивал, что было нужно много труда, чтобы усмирить беспокойные племена. Но учреждение в 1553 г. казанской епархии послужило важным залогом господства русской стихии в ново-покоренном крае. Иными словами, вместо традиционных верований навязывалось христианство. Черемисы, с начала покорения Казани, не хотели повиноваться русской власти, беспрестанно восставали, единодушно поднялись за свою свободу и вели войну с упорством. Воеводы с ратями посылались одни за другими и долго не могли укротить черемисов, которые защищались в дремучих лесах, не хотели и слышать о платеже наложенного на них ясака, а при случае делали набеги и разорения. Для укрощения черемисов Борис Годунов занялся своим любимым делом – постройкой городов на берегах Волги [4].

Русские создали укрепленные пункты Цивильск (1589 г., на месте чувашского поселения), Уржум (1584 г., на месте марийского племенного городка), Малмыж (1584 г., на месте резиденции малмыжских князей), Козьмодемьянск (1583 г., на правом, горном берегу Волги), Царево-Кокшайск (1584 г., Царев-город на Кокшаге, ныне – Йошкар-Ола, столица Республики Марий Эл), Царево-Санчурск (1584 г.) и Яранск (1591 г., на месте марийского поселения) для защиты от набегов воинственных черемисов.

Наличие у многих городов марийских названий (Шанчара, Яранг, Малмыж, Кукарка, Какшар) свидетельствует о том, что не все из них были основаны русскими. Но после подавления восстания марийцам не разрешалось в них селиться. Более того, они должны были освобождать территорию вокруг городов в радиусе до пяти верст.

Д. И. Иловайский выводил, что давние связи с казанскими татарами и привычка к подчинению последним не могли быть порваны вдруг. Часть многочисленной казанской знати рассеялась по окрестным народам и, заодно с их князьями и старейшинами, стала поднимать их к бунту против Москвы; к этому удобный повод давали сборы ясака, сопровождаемые иногда разными обидами и своєюводем со стороны ратных людей. Особенно сильные мятежи производили луговые черемисы. Первые действия воевод против мятежников были не всегда удачны; силы, оставленные в Казани и Свияжске, оказались недостаточны для укрощения всего края. В Москве на время не обратили должного внимания на трудное положение, потому что бояре вопреки поручению государя отложили вопрос о "Казанском деле" и занялись кормлением. Вождь луговых марийцев Мамич-Бердей был захвачен в плен горными черемисами, которых он тщетно пытался поднять к бунту, и отвезен в Москву. После того усмирение мятежа пошло успешно, в особенности благодаря энергичным распоряжениям казанского наместника князя Петра Шуйского. Отряды подвергли Луговую сторону страшному опустошению, брали в плен только жен-

щин и детей, истребляли мужчин, разгромив это беспокойное племя.

При царе Федоре Ивановиче в Казанской земле свирепствовало сильное восстание черемисов, подстрекаемых крымскими татарами и Ногайской ордой. Это было усмирено не столько военной силой, сколько щедрыми подарками и обещаниями [1].

В. Н. Татищев сообщал, что в декабре 1552 г. боярин и воевода князь Петр Шуйский послал из Свияжска Бориса Салтыкова разыскать луговых и горных черемисов, напавших на Волге на гонцов, гостей и "боярских людей" с припасами. "Воров" нашли на Цивиле, одних там же и повесили, других перед Свияжской крепостью, всего казнили 74 человека, их имущество раздали истцам.

В марте 1553 г. луговые люди прогнали собиравших ясак Мисиря Лихорева и Ивана Скуратова. Воеводы послали Василия Елизарова, с ним казаков и Ивана Ершова со стрельцами. Черемисы разбили их наголову и убили 350 стрельцов и 450 казаков. После поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани. Из Свияжска Петр Шуйский отправил на них воеводу Бориса Салтыкова, с ним "детей боярских" и горных людей. В то время были "великие снега". Черемисы разгромили Салтыкова, взяв в плен его самого и 200 человек, убив 36 "сынов боярских", 50 "людей боярских" и 170 горных.

В августе 1554 г. из Казани боярин князь Михаил Глинский с товарищами на луговых изменников отправили местных князей и от всех арских (удмурты) и побережных людей с нагорными, а также Дмитрия Кушелева. Казанцы солгали, изменили царю, на черемисов не пошли и сложились с ними, а верных государю многих побили, напали на рыболовов на Каме, на сенокос подступили к Казани.

В марте 1555 г. луговые люди ходили на Арскую сторону и татарские села, но стрельцы в острогах отбивались пищалями. Князь Михаил Воротынский с товарищами прислал из Свияжска Федора Баскакова, который отправил на луговую сторону воевать 700 горных людей на лыжах. Внезапная атака закончилась успешно. В апреле 1555 г. пешие черемисы из леса напали на сторожевой полк князя Василия Токмакова и были разбиты наголову.

Осенью 1555 г. на Мамич-Бердея и его сообщников государь послал свою рать: в Большом полку бояре и воеводы князь Иван Мстиславский и Даниил Романович; в Передовом Захарий Петрович и Михаил Воронов; в Сторожевом Михаил Морозов и Василий Сицкий; для посылок Иван Яковлев, Иван Меньший Васильев сын Шереметьев, Василий Токмаков.

В марте 1556 г. приехали к государю с горной стороны сотник Ахтыш с товарищами и привезли с собой изменника лугового князя Мамич-Бердея. Они рассказали, что тот приходил на них войной с 2000 человек, но осажденные с ним сговорились, чтобы якобы заодно изменить и взяли его к себе. Поймав, перебили 200 луговых людей и привели того к царю. Государь отблагодарил горных черемисов великим жалованьем и облегчил им ясак. А Мамич-Бердей вспоминал, что убил ногайского царя и его людей за неказание помощи и соединился с арскими,

пошел на горную сторону отводить от великого князя, но там обманули, товарищей побили, самого поймали.

В мае 1557 г. из Казани, Чебоксар и Свияжска Иван Шуйский послал воевать на луговых, которые всю зиму и весну приходили на горную сторону и арские места, "детей боярских", во главе – князя Иосифа Лаврова с товарищами, стрельцов, своих и горных людей. Черемисов разбили наголову. Их начальника Ахметека взяли живым. После луговые люди прислали "бить челом" о своих винах, чтобы государь смилостивился над ними и учинил в холопстве, как и горных и ясак велел брать, как прежние цари. Царь послал в Казань и Свияжск своего стряпчего Семена Ярцова, а луговых людей велел пожаловать, вины их простить и к правде привести. К Ивану IV приехали сотские Абыз с товарищами и дали присягу. А к черным людям царь послал "сына боярского" Образца Рогатова, и они все присягнули. Луговые люди все соединились и поклялись быть им и их детям неотступными от государя навеки и ясак платить сполна [8].

Войска Ивана Грозного иногда терпели поражения от повстанцев, проявляли жестокость по отношению к местному населению соразмерно сопротивлению, но сведения вносят коррективы в тезис о "русской оккупации" – несомненно, присутствовал коллаборационизм у самих марийцев, не являвшихся единым народом и при случае предававших друг друга и поклонявшихся поработителям-москвитам, некоторые черемисы даже помогали карателям.

У М. М. Щербатова следующая трактовка: прибавление московских войск не возбранило мордву и черемисов взбунтоваться в 1552 г., изменяя России и соединяясь с казанцами. Воеводы учинили великое опустошение в селениях изменивших народов, разбили их в сражениях и разогнали. Наконец вероломные племена от страха российского оружия поддались государю. Черемисы привозили в государевы станы множество хлеба, меду в дары или на продажу, так что все воинство не только без всякой нужды, но и с избытком продолжало свой поход. Царь Иван IV справедливо не доверял столь часто бунтовавшим мордву и черемисам и не хотел иметь их при своих войсках, использовал для расчищения путей и строительства мостов ради удобного похода, хотя другим образом, в самом деле, они способствовали успеху начатого предприятия. Хотя прямо сказать, это более было разбойническое нападение, чем бунт, но при новом покорении этой страны, разнящейся законом, верой, языком и обычаями, всякое малое возмущение могло произвести важные последствия. Эти народы от грабительства обрели себе всегдашний прирост. Против них был послан князь Микулинский, который взял в плен 6 тысяч мужчин и 15000 женщин, разорил город Меш. Бунт продолжался 6 лет и был укрощен воеводой Иваном Шереметевым, который разбил и рассеял врагов, проник даже до Башкирии.

Черемисы, выбрав себе царя и пользуясь непроходимыми лесами и болотами, где находились их жилища, воевали против России. Наученные военному искусству российские ратники, познавшие уже все пути страны, в

которой столь долгое время воевали, частыми поражениями и опустошением наносили противникам беспрестанный вред. Наконец отчаяние черемисов дошло до такой степени, что они перестали бороться едино.

М. М. Щербатов утверждал – не осталось известий, что за волнения были в Казанской земле в 1571–1574 гг., насколько далеко они простирались и чем были прекращены. Но через Разрядные книги видно, что стояла немалая опасность: многочисленные войска в пять полков под главным начальством князя Ивана Мстиславского отправились в Муром для похода против мятежников по наказу царя.

Что наиболее беспокоило Ивана Грозного во время переговоров с поляками и шведами по окончанию Ливонской войны, так это казанские и окружные люди, которые, невзирая ни на непрерывные над ними победы, ни на частые учиненные им прощения, не переставали питать своей ненависти к России; оказавшийся малый бунт показывал общее неприятие. Наряд новых войск по повелению царя включал в себя 5 полков под общим командованием Ивана Мстиславского, остальными начальниками определили Федора Шереметева, Дмитрия Хворостинина, Михаила Салтыкова, Ефима Бутурлина, Меркула Щербатова.

Продолжавшийся бунт казанских народов весьма беспокоил Бориса Годунова; когда знатнейшие бояре были повелителями войск, то самовластие фаворита исчезало; а ради этого, пока еще не открылись его намерения, он старался укротить внутреннее смущение, и ни чем иным не мог воспользоваться, как послать сильные войска на Казань, что по совету царя Федора Ивановича и сделал; однако они не были отправлены под главными воеводами, их начальник был окольничий князь Дмитрий Елецкий, искусный в обращениях для разных переговоров, к чему много раз привлекался. Ему уповательно были даны такие наставления, чтобы, дав великие выгоды бунтующим народам, это междоусобие прекратить. Такое положение нельзя порицать; лучше уступить для унятия внутренней войны, чем привести народы в отчаяние. Зная Федора Ивановича, они сами отказались от своего бунта и покорились с раскаянием; от российского государя получили большое жалованье: однако, для воспрепятствования, чтобы впредь таких мятежей не последовало, было велено в Черемисской земле построить города, которые являлись тогда же и крепостями [10].

Н. М. Карамзин повествовал, что воевода Борис Салтыков, выступив зимой из Свияжска против мятежников с отрядом пехоты и конницы, тонул в глубоких снегах: неприятель на лыжах окружил его со всех сторон; в долговременной беспорядочной битве россияне падали от усталости. Бунтовщики, гордясь победами, думали, что господство России уже кончилось в их стране. Иван IV вспомнил тогда мудрый совет опытных вельмож не оставлять Казань до совершенного покорения всех ее "диких" народов. Уныние при Дворе было столь велико, что некоторые члены Царской Думы ("Избранной Рады") предлагали навсегда покинуть эту бедственную землю и вывести войска оттуда.

Иван Мстиславский и Михаил Глинский воевали с луговыми черемисами, захватили 1600 именитых людей, князей, мурз, чиновников татарских и всех умертвили. Воеводы и сановники, действуя ревностно, неутомимо, получили от государя "золотые", награду того времени: ими украшали свою грудь вместо орденских крестов. Мамич-Бердей, отрубив голову ногайскому царю, насадил ее на высокое дерево и сказал: "Мы взяли тебя на царство для войны и победы; а ты со своей дружиной умел только объедать нас! Теперь да царствует голова твоя на высоком престоле!" Луговая земля дольше всех упорствовала в мятеже. Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали. Без пощады губя "вероломных", Иван Грозный награждал "верных". Им давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконец усилия бунтовщиков ослабели; вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены, другие (Чебоксары, Лаишев) вновь построены русскими и заняты стрельцами.

Общий бунт в 1581 г. внезапно вспыхнул в земле луговых черемисов, столь опасный и жестокий, что казанские воеводы никак не могли усмирить его. Встревоженный государь в октябре 1582 г. послал к ним войско с князем Елецким; узнав, что восстание не утихает, велел идти туда из Муром полководцам князьям Ивану Воротынскому и Дмитрию Хворостинину. Новые вести еще более устрешили Москву: узнали, что крымский хан Мехмет-Гирей, вопреки мирной грамоте, сносятся с черемисскими мятежниками и готов устремиться на Россию. Надлежало действовать всеми силами: отрядили войско к Каме; другое под начальством князей Федора Мстиславского, Курлятева, Шуйских, заняло берега Оки; третье плыло на судах Волгой к Свяжску. Хан не дерзнул вступить в Россию; но бунт Черемисский продолжался до конца жизни Ивана IV с удивительным остервенением: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, эти свирепые "дикари", озлобленные, вероятно, жестокостью царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле своих жилищ, в лесах и вертепах, летом и зимой; хотели независимости или смерти. Для стеснения мятежников воевода князь Туренин основал тогда крепость Козьмодемьянск.

Борис Годунов более умом, чем мечом, смирил мятежников, уверив их, что новый царь Федор Иванович, забывая старые преступления, готов миловать виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Годунов велел строить крепости на Горной и Луговой стороне Волги и заселил их россиянами, и тем водворил тишину в этой земле, столь долго для Москвы бедственной [3].

В "Очерках истории СССР" отмечается, что местная знать, подстрекаемая крымскими усилиями, неоднократно организовывала против Русского государства враждебные выступления и после подавления восстаний 1552–1557 гг. не раз поднимала мятежи, добиваясь отторжения Казани и Астрахани и превращения их в отдельные государства под протекторатом Турции. Главари движения в Среднем Поволжье пытались использовать недовольство "черных людей" действиями русской адми-

нистрации, их стихийное сопротивление сборщикам ясака и поднять их на борьбу за отделение от России, вели переговоры с ногайскими мурзами – претендентами на роль казанских ханов. Однако отчетливо проявилась противоположность интересов: "черные люди" не поддержали сепаратистов, расправляясь с ними, и признали власть московского правительства.

Нашествия на Русь в 1571–1572 гг. крымского хана Девлет-Гирея послужили толчком к взрыву очередных мятежей в Поволжье. Здешняя аристократия действовала в соответствии с общим планом вассала турецкого султана. Предусматривалось захватить юго-восточные владения Русского государства при помощи ногайцев, князя черкасского и сил бывших Казанского и Астраханского царств, при поддержке со стороны польского и шведского королей. Развернулось движение луговых мари-йцев, которое перекинулось на Каму, где к нему примкнули удмурты, башкиры. Оно было подавлено только в 1574 г. Часть знати оставалась верной русским властям, которые добились выдачи организаторов восстания.

Сопrotивление среди луговых мари снова возобновилось в 80-х гг. XVI в. В это время образовалась коалиция Турции и Польши против России. Турецкий султан пытался обосноваться в Закавказье, вел сношения с казахским и узбекским правителями, ногайскими мурзами, казанскими и астраханскими бунтовщиками. Усилил свою активность и крымский хан. В 1584 г. это движение было ликвидировано [5].

Б. Н. Флоря указывал, что нападениям подвергались не только окрестности занятой русскими войсками Казани, но и уезды Муром и Нижнего Новгорода. На протяжении нескольких лет в Казанский край посылали войска во главе с наиболее видными воеводами. Они рассеивали скопления восставших, сжигали их селения, захватывали пленников. Затем выборные предводители мятежников приносили присягу на верность и обязывались платить дань, а после ухода московских войск все начиналось сначала. В конце концов, удалось добиться подчинения Казанского края. На такой исход событий важное влияние оказали два обстоятельства. Во-первых, черемисы, жившие на Горной стороне Волги и подчинявшиеся русской власти еще до взятия Казани, остались лояльными и приняли участие в военных действиях на московской стороне. Во-вторых, восставшие не получили сколь-нибудь серьезной внешней поддержки от Ногайской орды.

Одновременно с походом Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. в Поволжье началось восстание против русской власти. Положение было очень серьезным. Поражение русской армии в войне с татарами могло привести к потере Поволжья, и Русское государство снова оказалось бы под угрозой нападения и с юга, и с востока, как в годы малолетства Ивана IV.

Зимой 1581–1582 гг. восстали горные черемисы. В то время, когда воеводы выступили из Новгорода в "зимний поход" на шведов, из Чебоксар против восставших была отправлена трехполковая рать. Это войско черемисы разбили. Желая прекратить волнения, ставившие под

угрозу исполнению его планов, царь принял черемисских посланцев и согласился удовлетворить их требования, но в это самое время началось восстание Луговой стороны. В октябре 1582 г. в Поволжье против мятежников была отправлена рать уже из пяти полков. Иван Грозный приказал публично бить палками всех воинов, которые в 1582 году были разгромлены черемисами. Знатных воевод князей Ивана Воротынского и Дмитрия Хворостинина, которые из-за "великих снегов" не смогли дойти до места назначения, царь приказал одеть в женское платье и заставить крутить жернова и молоть муку [9].

Австрийский историк XX века А. Каппелер заключал, что Москва перешла от агрессивной к гибкой политике. Здесь напрашиваются два объяснения: во-первых, в 1553 г. тяжелая болезнь царя привела к внутриполитическому кризису, вследствие чего он все меньше обращал внимание на своих советников. Традиционно прагматичная политика государства вновь взяла верх над агрессивной нетолерантной церковью. Во-вторых, события в завоеванном Казанском ханстве побуждали к воздержанию. После вывода московских войск татары и, прежде всего, черемисы восстали против чужеземного господства и предприняли попытку восстановить свою независимость рядом мятежей, которые длились пять лет. Подавить их Москве удалось лишь многочисленными военными походами и политикой "кнута и пряника" только в 1557 г.

Следует различать два основных направления московской политики. Репрессивный вариант имел целью заверить лояльность новых подданных, это было важнейшим. Восстания и далее последовательно подавлялись военной силой. Так было в 1570–1572 и 1581–1584 гг., когда восстали татары и черемисы. Одновременно Москва заложила систему крепостей для контроля над этими землями и предотвращения нападений извне. Поводом к этому стали постоянные набеги крымских татар и ногайцев, а также османский военный поход на Астрахань 1569 г. [2]

"Черемисские войны" XVI века были национально-освободительным движением. Карательные отряды русских войск руководствовались полученными приказами и проводили истребление мятежников, наводя порядок огнем и мечом, сжигая все на своем пути, жестоко подавляя сопротивление. Эти события означали окончательное покорение Марийского края, установление и упрочение здесь административной власти Москвы. Историография данного вопроса разнообразна, в ней существуют дискуссионные вопросы, в особенности о степени воздействия российской колонизации на поволжских народов, проблеме их борьбы за суверенитет. Обсуждение еще далеко от завершения, поэтому необходима дальнейшая научная разработка в современных условиях существования многонациональной Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иловайский Д. История России [Текст]. В 5 т. Т. 3. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. / Д. Иловайский. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1890. – 720 с.
2. Каппелер А. Россия как полиэтническая империя: Возникновение. История. Распад [Текст] / А. Каппелер; пер. с нем. Х. Назаркевич, науч. ред. М. Крикун. – Львов: Изд-во Украинского Католического Университета, 2005. – 360 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского [Текст]. В 12 т. Т. 8. / Н. М. Карамзин. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – 179 с. Т. 9. – СПб., 1821. – 300 с. Т. 10. – СПб., 1824. – 168 с.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Текст]. В 2 кн. Кн. 1. / Н. И. Костомаров. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. – 596 с.
5. Очерки истории СССР [Текст]. В 9 т. Т. 5. Период феодализма. Конец XV–начало XVII в. / под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 961 с.
6. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации) [Текст] / Г. Перетяткович. – М.: Типография Грачева, 1877. – 335 с.
7. Соловьев С. М. Сочинения [Текст]. В 18 кн. Кн. 3. Т. 6. История России с древнейших времен. / С. М. Соловьев; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1989. – 783 с.
8. Татищев В. История Российская [Текст]. В 3 т. Т. 3. / В. Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 860 с.
9. Флоря Б. Н. Иван Грозный [Текст] / Б. Н. Флоря. – М.: Мол. гвардия, 1999. – 403 с.
10. Щербатов М. История Российская от древнейших времен [Текст]. В 7 т. Т. 5. От начала царствования царя Ивана Васильевича до кончины царя Федора Ивановича и до избрания в цари Василия Ивановича Шуйского. Ч. 1. От начала царствования царя Ивана Васильевича до покорения царства Астраханского. / М. Щербатов. – СПб.: Императорская Академия наук, 1786. – 557 с. Ч. 2. От покорения Астрахани до начала завоевания царства Сибирского. – СПб., 1789. – 447 с. Ч. 3. – 326 с. Т. 6. От начала царствования царя Федора Ивановича до его кончины. Ч. 1. От восшествия на престол царя Федора Ивановича до убийства царевича Дмитрия. – СПб., 1790. – 363 с.